

ПОВЕСТЬ В. Тендрякова «Ночь после выпуска» принадлежит к числу таких книг, которые не пройдут незамеченными. Наоборот — думаю, что не только я перечитал ее еще раз, не один я захотел бумаге поверить мысли и чувства, вызванные этой повестью.

Я не литературный критик и буду говорить о произведении с позиции учителя, каковым являюсь почти четверть века. Наверное, не ошибусь, если скажу, что повесть не получит однозначной оценки. У меня такое ощущение, что я прочитал два раза не одну повесть, а две разные повести.

Давно в художественной литературе не говорилось так явственно и пристрастно о жизни нашей школы, о проблемах, которые ее волнуют. Чаше писатели пишут о людях, работающих в школе, создают удачные или неудачные характеры учителей... И естественно, что успехи или неудачи школы, само собой, в таких случаях обуславливаются людьми: успехи или просчеты воспитания зависят от учителей.

В. Тендряков пошел глубже. Он берет хороших учителей, хорошие школы, разных, но и хороших учеников и через них стремится обнаружить самое сущностное учительского труда, сравнить результаты воспитания с тем идеалом, к которому мы, учителя, стремимся. Он не дает рецептов, действуя по которым можно устранить недостатки в системе воспитания. Писатель заставляет спорить о жизни школы своих героев — учителей и учеников. Сущность спора учителей заключается в том, чему учить и как учить, кого и как воспитывать.

Скажем прямо, что в своих критических суждениях учителя Тендрякова более строг и последователен, чем в положительной программе, которую они предлагают. И так, сначала о «критической» позиции повести. Поводом для размышлений и горячих споров учителей стало выступление на выпускном вечере ученицы Юлии Студенцевой, которая искренне призналась, что растеряна, что тысячи дорог, которые пролегали от школьного порога

в жизнь, ее страшат, она не знает, где среди этой тысячи ее дорога, потому что в школе ее заставляли «знать все, кроме одного — что мне нравится, что я люблю».

Что ж, существенное и правильное замечание — с той только оговоркой, что, конечно же, в школе ее учили любить то, что заслуживает любви, и учили ненавидеть то, что действительно следует ненавидеть. Другое дело, как учили. Вот это-то выступление становится не только причиной спора учителей, но в какой-то мере определяет и самр содержание спора, который начинается с «коротенького экзамена» по литературе, устроенного Ольгой Олеговной присутствующим. В результате экзамена выявляется, что никто из преподавателей не помнит дату рождения Гоголя, год окончания Толстым романа «Война и мир», не может процитировать наизусть знаменитое место из статьи Добролюбова, где говорится, что Катерина — «луч света в темном царстве».

«А ведь из таких сведений на восемьдесят, если не на все девяносто девять процентов состоят те знания, которые вы, Зоя Владимировна, усиленно вбиваете. Вы и многие из нас... в головы учеников». Да, строже не скажешь. Так ли это? Не совсем так: ведь эти проценты определены в споре. Но за ними все-таки есть основания, и веские...

Идет урок русской литературы в десятом классе. Ребята читают наизусть стихи Блока (а через урок — Есенина) Я слушаю. Чудесно. Это глубокое проникновение в мир чувств и мыслей поэта. На душе у меня светло и радостно. Но что это?.. Разве это Блок?.. Оказывается, стихи читает уже другой ученик, по обязанности заучивший их, чтобы получить оценку. Мне больно а ученику? Что ему поставить? Ведь читал он бойко и гладко — но Блока не было. И еще одно: просто вымучивает он из себя это «наизусть».

Кто виноват? Учитель. Но ведь в мире нет даже двух абсолютно одинаково думающих и чувствующих людей. Могут ли я сделать так, чтобы все 35 десятиклассников (а в другом классе еще 35) думали и

чувствовали, как Блок? Можно ли так сделать? Надо ли так делать? Я не уверен и потому вынужден... слушать и мучиться, потому что в программе под рубрикой «Для заучивания наизусть» записано: «А. А. Блок. «О, весна без конца и без краю...», «Россия» и другие (по выбору учащихся). Отрывок из поэмы «Двенадцать».

Это очень серьезно — дать глубокие и систематические знания. Но что это за знания? Споры нет, надо помнить, когда родился Гоголь. Но всем ли? Нужны люди, которые способны со всей скрупулезностью, на которую только способен человеческий мозг, увлекаться, да, именно увлекаться, например спосо-

ПО ТРЕБОВАНИЮ

ми образования слов. Но все ли оканчивающие среднюю школу должны быть увлечены этим? Мне как учителю русского языка и литературы, конечно, обидно, что в споре, происходящем в учительской, больше досталось Зое Владимировне, а значит, и мне. Но как директор школы я вижу, что и учителя других предметов не меньше меня виноваты в том, что Юлия Студенцева не знает, какая дорога среди тысячи других — ее. Не знаю, то ли из-за инстинкта самозащиты, то ли по другой причине, но мне хочется возразить Ольге Олеговне. Да, многое из того, чему мы учим в школе, может не понадобиться нашим воспитанникам в их жизни после школы. Но ведь, как это ни парадоксально, все мы ценим человека очень часто не только по его профессиональным знаниям, но и по тому, что он знает вообще, и считаем человека тем интереснее, чем разностороннее его знания, не связанные с его основной профессией. Но, с другой стороны, — помните Блока:

Вот только замучит,
проклятый,

Ни в чем не повинных
ребят
Годами рожденья и смерти
И ворохом скверных
читат...

Нельзя сказать, что мы навсегда ушли от этого. А как уйти? Ведь в учебнике записано, а ребята должны читать учебник и знать, иначе учение потеряет смысл. Я думаю, что на первых порах, когда изучается материал, нет большой беды в запоминании всего, что потом и не понадобится в дальнейшей жизни. Но когда мы наставляем на том, чтобы ученик знал все, что написано в учебнике, то делаем не просто ошибку... Мы не умеем еще давать знания основ наук как бы «с высоты птичьего полета», когда скрадываются частности и

детали, а воспринимаются только контур, основные направления, положения науки, содержание знаний. Я знаю, что найдутся такие читатели, в том числе и среди моих коллег, которые обвинят В. Тендрякова в полемической заостренности суждений о состоянии школьных дел. Я так не думаю. Я считаю, что Юлия Студенцева, несмотря на растерянность на пороге взрослой жизни, все-таки найдет себя. Ей это будет сделать нетрудно, потому что школа обеспечила ей возможность пойти с успехом по многим из тех дорог, которых она пока так

боятся. Но как быть с теми, которые сидят на уроках с отсутствующим взглядом? О какой свободе выбора дорог ими можно говорить? А ведь такие есть. Пусть не в каждой школе, но во многих школах, многих классах. Чем для них является школа, если она не сумела зажечь в них стремление знать? Что думает о школе ученик, сидящий за партией шесть уроков и выжидающий только одного: когда все это кончится? И так изо дня в день. Мрачная картина? Да, мрачная. И пусть ученик знает все, что написано в учебнике, то делаем не просто ошибку... Мы не умеем еще давать знания основ наук как бы «с высоты птичьего полета», когда скрадываются частности и

ЖИЗНИ

Н. КОДАК,
директор Павлышской
средней школы
имени В. А. Сухомлинского

они есть. И если кто считает, что В. Тендряков сгустил краски, то пусть вспомнит и о них.

В сущности, повесть «Ночь после выпуска» обращена к тому, о чем говорим мы в научно-педагогической и учительской среде: о том, что надо видеть каждого человека и каждому помочь найти себя.

У нас это называется осуществлением индивидуального подхода к ученикам. Но писатель дает критику жизни школы художественно опосредствованно, и она убедительнее логических рассуждений по-

тому, что в повести выступают живые люди.

Когда читаешь повесть, то не можешь освободиться от мысли, что автор намеренно вызывает «огонь на себя». Почти в самом начале повести он приводит выпускников к обрыву над рекой, где стоит обелиск в честь погибших в Великой Отечественной войне земляков. И мы читаем: «И наверняка тогда им не хватило терпения дочитать длинный список до конца, а потом он примелькался, перестал привлекать внимание, как и сам обелиск. До него ли, когда окружающий мир заполнен куда более интересными вещами: будка «Мороженое», река, где всегда клюют пескари и работает лодочная станция, в

надеюсь, что читатель извинит меня за фрагментарность, за отрывочность и некоторую несвязность суждений: высказаться о книге, которая затрагивает смысл моей жизни, очень непросто. Я оставляю в стороне свое мнение об учителях, которых нарисовал В. Тендряков. Мы все-таки, в том числе и тание, каких видим в повести. Конечно, мне очень жаль Зою Владимировну, но если человек не жил, а жертвовал жизнью, по его собственному признанию, то есть о чем жалеть. Случается, что такая жертвенность нередко принимается в школьной жизни за доблесть и чуть ли не подвиг. Нужна ли в школе жертвенность? Нет, не нужна! Нужна жизнь — горячая, полнокровная, жизнь разновозрастных людей. А если в школе достигается учебный эффект за счет эксплуатации душевных и физических сил учителя, то тем наносится большой ущерб воспитанию человека. Спор Ольги Олеговны и Павла Павловича о том, все ли ученики для учителя одинаковы или нет и имеет ли право учитель неодинаково относиться к разным ученикам, — по моему, слабое место в повести. Учитель — человек, и никто не заставит меня, к примеру, уважать лентяя. Надо ли его оскорблять, придираться? Нет, конечно. Уже просто потому, что это непорядочно и не один только ум и способности ученика определяют отношение учителя к нему.

Выпускники Тендрякова еще только выпускники, но своей честностью, серьез-

ным отношением к жизни, несмотря на внешнюю браваду и оригинальничанье, они заслуживают уважения. И если кто-то посчитает их откровенные разговоры перерержкой или, хуже того, пасквилем на современную молодежь, то он глубоко, по моему мнению, ошибается. Я воспринимаю эти страницы скорее как признание заслуг советской школы в воспитании нынешней молодежи, которая способна откровенно и смело говорить о волнующих ее проблемах. И ей не так-то просто и легко живется, как мы иногда думаем. Да мы и не желаем молодым каждому из них быть человеком, то есть жить всеми радостями и горестями людей.

Надеюсь, что читатель извинит меня за фрагментарность, за отрывочность и некоторую несвязность суждений: высказаться о книге, которая затрагивает смысл моей жизни, очень непросто. Я оставляю в стороне свое мнение об учителях, которых нарисовал В. Тендряков. Мы все-таки, в том числе и тание, каких видим в повести. Конечно, мне очень жаль Зою Владимировну, но если человек не жил, а жертвовал жизнью, по его собственному признанию, то есть о чем жалеть. Случается, что такая жертвенность нередко принимается в школьной жизни за доблесть и чуть ли не подвиг. Нужна ли в школе жертвенность? Нет, не нужна! Нужна жизнь — горячая, полнокровная, жизнь разновозрастных людей. А если в школе достигается учебный эффект за счет эксплуатации душевных и физических сил учителя, то тем наносится большой ущерб воспитанию человека. Спор Ольги Олеговны и Павла Павловича о том, все ли ученики для учителя одинаковы или нет и имеет ли право учитель неодинаково относиться к разным ученикам, — по моему, слабое место в повести. Учитель — человек, и никто не заставит меня, к примеру, уважать лентяя. Надо ли его оскорблять, придираться? Нет, конечно. Уже просто потому, что это непорядочно и не один только ум и способности ученика определяют отношение учителя к нему.

Теперь о позитивных, если можно так выразиться, страницах повести, то есть о тех предложениях, которые высказываются ее героями. Сводятся они, грубо говоря, к тому, как сделать учителя сильнее. Предлагается дать ему в руки современную технику. Это неплохо, и в этом плане уже многое делается. Герои Тендрякова говорят о более интенсивном применении техники в школе. Но и автор, и его герои понимают, что делать это не просто и нельзя сделать немедленно. Но главное — и это важнее — герои повести серьезно беспокоятся вот о чем: «Школа — масштабное явление, но я-то этого никогда не чувствую», — говорит Иннокентий Сергеевич. То есть спор идет о том, что каждый учитель работает по-своему, преподает свой предмет и лишь за него беспокоится и ответствен, а вот воспитание человека идет стихийно. И тут В. Тендряков во многом прав. Ученик набедакуррил, хуже того — совершил хулиганский поступок. Кто виноват? Классный руководитель, директор школы. А где же вы, Зоя Владимировна, со своим арсеналом «положительных героев» и поступков? Нет возможности сказать в одной статье более обстоятельно, например, о многих других проблемах, затронутых в повести, о встрече ребят после выпускных торжеств. Не знаю, прав я или нет, но мне кажется, что эта встреча — еще один упрек школе, которая не научила, как надо жить. Оказалось, что принципиальность, с которой ребята судили о Генке, обернулась другим, и они готовы уже газывать себя убийцами. Но их максимализм не страшен, повышенное требование к себе не убьет. Молодость без максимализма в требованиях и суждениях — не молодость.

Закрывая повесть, думаю о том, как немного, в сущности, нужно сделать, чтобы воспитать настоящего человека в каждом, но это немного — бесконечно трудно. Оно неуловимо. Уловить, назвать, обозначить его старается В. Тендряков в своей новой повести.

с. ПАВЛЫШ
Кировоградской обл.